

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В31

Оформление серии *С. Курбатова*

Вербинина, Валерия.

В31 Драма в кукольном доме : [роман] / Валерия Вербинина. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-096408-6

Накануне коронации Александра III молодая баронесса Амалия Корф отправилась навестить дальних родственников своего мужа. Вначале ей очень понравился их ухоженный, словно кукольный, особняк, но позже Амалия стала свидетельницей нескольких весьма неприятных семейных сцен и поняла, что в доме не все так гладко, как хотят показать его обитатели. А вскоре она узнала, что Наталья Дмитриевна, почтенная мать семейства, ушла на прогулку и не вернулась, а в ближайшем лесу была найдена ее окровавленная перчатка. Подозреваемых достаточно — это и муж, имеющий семью на стороне, и его сын от первого брака, ненавидящий мачеху... Амалия была почти уверена в разгадке, но события вдруг приняли совершенно неожиданный оборот...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Вербинина В., 2018

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-096408-6

Глава 1

Путешествие

«Погода подлая, день темный, сырой и мокрой тряпкой лежит на душе». — Прочитав эту фразу, Амалия машинально бросила взгляд в окно, за которым, однако же, не обнаружилось ничего подобного. Поезд бежал по рельсам, мимо телеграфных столбов, полей, деревьев, одетых весенней зеленью и умытых утренним дождем. Во всем ощущалось дыхание весны, и даже отблески солнечных лучей в лужах сверкали, как расплавленное золото. Мелькали деревушки, шлагбаумы, крестьяне с телегами, птицы на телеграфных проводах, снова поля, снова деревья — и неожиданно, откуда ни возьмись, появился большой белый заяц. Он мчался вдоль насыпи, взмывая над низкой травой, потом скакнул куда-то вбок и пропал из виду. Может быть, состав своим грохотом встревожил и спугнул его, а может быть, заяц направлялся куда-то по своим заячьим делам, и его совершенно не интересовали поезд и его пассажиры, в числе которых находилась и Амалия Корф.

— Станция Сиверская! — объявил кондуктор, проходя по вагону. — Следующая станция — Сиверская... — Остановившись возле Амалии, он наклонился и с улыбкой добавил: — Барышня, ваша остановка.

Та, к кому он обращался, захлопнула книгу, испытывая смесь противоречивых ощущений — не чувств, а именно ощущений. С одной стороны, приятно, когда тебя называют барышней, с другой — обидно, что люди настолько невнимательны, и даже обручальное кольцо на твоём пальце неспособно подсказать им, кто ты есть. Вспомнив о кольце, Амалия поглядела на него не без удовольствия. Ей нравилось ощущать его на пальце, нравилось чувствовать себя замужней дамой; впрочем, сейчас ей нравилось почти все, включая даже затянутый и не слишком интересный роман, который она захватила с собой в дорогу. Её внутреннее небо было таким же безмятежным, как и то, что простиралось за окном, хотя справедливости ради надо отметить, что на последнем еще можно было заметить не то дымку, не то клочья недавних облаков, тающие в лучах солнца.

— Станция Сиверская!

Поезд Петербурго-Варшавской железной дороги подкатил к платформе, локомотив профыркал свое обычное «пшш, хшш, фшш» и встал,

лязгнув колесами. Дачный сезон еще не был открыт, и на станции сошло всего несколько человек, считая и баронессу Корф. Амалии хватило одного взгляда, чтобы окинуть скромное деревянное здание вокзала, скупающего на перроне жандарма и двух-трех встречающих, ни один из которых не подошел к ней. Локомотив меж тем зашаркал колесами, выплюнул облако пара, сипло свистнул на прощание и укатил, волоча за собой вереницу разномастных вагонов.

«И ведь знала же, — мелькнуло в голове у Амалии, — что все кончится именно так». Положим, она не то чтобы знала, но предчувствовала, что ее путешествие сюда, на станцию Сиверскую, окажется совершенно бесполезным. Пассажиры и те, кто прибыл их встречать, уже удалились, и на перроне осталась только она одна. Даже жандарм и тот куда-то исчез.

«Ждать — но кого? Чего? — Амалия недовольно передернула плечами. По природе она была так устроена, что терпеть не могла ждать чего бы то ни было. — Разумеется, никто меня встречать не будет. Она уверяла, что послала им телеграмму; вздор. Когда я увижу ее в Петербурге, она, конечно, широко распахнет глаза и станет жаловаться, что на телеграфе напутали, что она ничего не понимает, что она ужасно расстроена, что меня никто не встретил, — а на

самом деле ей просто хотелось, чтобы я сделала этот никому не нужный вояж. Не стоило мне поддаваться на ее уговоры навестить родственников, которых я разве что мельком видела на свадьбе и давно забыла. Теперь еще дожидаться поезда обратно...»

Неприязненное — даже в мыслях — «она» обозначало старшую баронессу Корф, свекровь Амалии, великосветскую даму и бывшую — в силу возраста — красавицу, которая с самого начала невзлюбила свою невестку. Основных причин для такого отношения насчитывалось две: во-первых, Амалия была хороша собой и даже лучше, чем ее свекровь когда бы то ни было, и во-вторых, Полина Сергеевна считала, что «эта особа» не пара ее сыну Александру, который вдобавок к титулу, состоянию и положению в обществе мог с недавних пор похвастать званием флигель-адъютанта его императорского величества. С точки зрения матери, достойной парой для него могла являться разве что княжна или графиня, и то при соблюдении тысячи дополнительных условий. Но Александр Корф отчего-то выбрал Амалию, бесприданницу и уж никак не ровню себе, и Полине Сергеевне волей-неволей пришлось считаться с его выбором.

Амалия не обольщалась насчет того, как свекровь к ней относится, но следует отдать старой

даме должное — с внешней стороны ее поведение было почти безупречно, и она никогда не позволяла себе проявлять открытое недоброжелательство в адрес своей невестки. Нам легко записать во враги того, кто бросает нам вызов, не скрываясь — и напротив: когда недруг ведет себя так, что его вроде бы не в чем упрекнуть, мы начинаем колебаться. Были, впрочем, кое-какие настораживающие мелочи, шпильки, которые не прошли незамеченными, но ничего, в сущности, серьезного. Живя с мужем отдельно от свекрови, Амалия могла позволить себе не обращать на Полину Сергеевну внимания, тем более что у молодой женщины хватало своих забот. Родился сын, а Александр, получив высокую должность при дворе, стал проводить там куда больше времени, чем раньше. Первое время Амалия находила его отлучки вполне обоснованными, но потом ей стало все труднее переносить постоянное отсутствие мужа. Она знала, что ему среди прочего приходится заниматься и охраной императора — задача весьма непростая, если учитывать, что отец нынешнего государя был убит всего два года назад, в 1881-м. Но когда ты хочешь видеть человека рядом с собой, а он вынужден почти все время проводить на службе, сознание ее важности мало утешает — и совсем не утешает, когда ты молод и влюблен.

Однажды, когда Александру пришлось несколько дней кряду провести в Аничковом дворце при особе императора, Амалия не выдержала и в присутствии свекрови высказала все, что накопилось у нее на душе. Полина Сергеевна выслушала невестку, объявила, что вполне ее понимает, но вряд ли их желание почаще видеть Александра способно что-то изменить в существующем порядке вещей. Может быть, Амалии стоит отвлечься, съездить куда-нибудь — да хотя бы к родственникам самой Полины Сергеевны, которые давно мечтают зазвать ее невестку к себе в гости.

— Его зовут Георгий Алексеевич Киреев, а его жену — Наталья Дмитриевна. Помните, я представляла их вам в день свадьбы? У них имение недалеко от станции Сиверской...

Но Амалия тогда решительно — окончательно и бесповоротно — отказалась ехать к малознакомым людям, да еще на станцию Сиверскую, до которой из Петербурга добираться больше часа.

... И вот теперь она стоит одна-одинешенька на перроне, в глубине души досадуя на собственную решительность, которая — как это нередко случается в жизни — обернулась уступчивостью и вылилась в поездку в никуда и неведомо зачем.

«Пожалуй, лучше всего будет узнать расписание и... Да, и взять обратный билет».

Она повернулась и едва не столкнулась с молодым человеком, который только что взбежал по лесенке, ведущей на перрон.

— Простите, сударыня, ради бога, — сбивчиво заговорил он, — вы — баронесса Корф? Амалия Корф?

Прежде чем ответить, Амалия поглядела на него внимательнее. Она смутно припомнила, что на ее свадьбу супруги Киреевы прибыли с двумя сыновьями, один из которых учился в университете, а другой посещал гимназию; но лицо стоящего перед ней молодого человека было ей незнакомо. Лет двадцати с небольшим, русая прядь волос свисает из-под фуражки на бровь, глаза светлые, беспокойные, нос вздернутый, и на нем редкие веснушки. «Нет, не студент, — почему-то сразу же решила Амалия, — не студент». Одет незнакомец был скромно, и, на взгляд его собеседницы, скромность эта слишком близко подступала к бедности.

— Да, я Амалия Корф, — ответила она на вопрос молодого человека. — А...

Амалия собиралась уточнить, с кем, собственно, она имеет дело, но тут незнакомец завертел головой и с озадаченным видом спросил:

— Прошу прощения, сударыня, но где же ваш багаж? И прислуга?

✎ Валерия Вербинина ✎

— Зачем мне багаж, если я приехала всего на несколько часов? — пожалала плечами Амалия.

— На несколько часов? — с изумлением переспросил безымянный собеседник. — Но Наталья Дмитриевна сказала мне...

— Что она вам сказала?

— Я так понял ее, что вы приехали погостить на несколько дней, — выпалил странный незнакомец. — Для вас уже приготовили комнаты в княжеском флигеле. И Георгий Алексеевич тоже говорил, что вы останетесь...

На языке у Амалии вертелось множество вопросов, но она пересилила себя и решила начать с главного.

— Простите, милостивый государь, — заговорила молодая женщина, тщательно подбирая слова и сопровождая их как можно более нейтральной интонацией, — но, может быть, вы все-таки представитесь? Потому что я не могу отделаться от впечатления, что вижу вас в первый раз.

— А я не представился? Боже мой! — охнул незнакомец. Он сдернул с головы фуражку и поспешно поклонился: — Митрохин Иван Николаевич, учитель школы для глухонемых. И внештатный сотрудник «Вестника Европы», — прибавил он с гордостью.

Амалия прекрасно знала, что «Вестник Европы» — толстый журнал, считавшийся одним из самых сильных в литературном отношении и уважаемых изданий; но, скользнув взглядом по потрепанной шинели Митрохина и его заштопанным перчаткам, она невольно пришла к выводу, что уважаемый и денежный журнал не слишком-то балует своих сотрудников, особенно внештатных.

— Школа для глухонемых — вы имеете в виду училище, которое находится на Гороховой? — спросила она вслух.

— Совершенно верно, госпожа баронесса. Представляться «учитель училища»... ну, не знаю, мне режет слух как-то... Но, конечно, правильной говорить «училище».

Впрочем, сейчас Амалию больше волновал вопрос, почему именно Митрохина послали встречать ее и какое отношение он имеет к семейству Киреевых.

— Вы — родственник Натальи Дмитриевны? — спросила она наугад.

Иван Николаевич озадаченно заморгал, словно вопрос поставил его в тупик.

— Нет, я, собственно... В сущности, это имеет отношение к моей работе для журнала... Я ждал приезда князя, но он задержался за границей... Можно сказать, мы с Георгием Алексеевичем подружились... и с его супругой тоже...

— А князь... — начала Амалия.

— Князь Петр Александрович Барятинский, вы, наверное, слышали о нем. Он был другом Пушкина.

И, не давая своей собеседнице опомниться, Митрохин быстро прибавил:

— Князь — дядя Георгия Алексеевича.

Итак, все мало-помалу начало проясняться. В одном доме с Киреевыми жил их дядя, друг Пушкина, к которому у Митрохина было какое-то дело. Впрочем, с точки зрения Амалии, это вовсе не проясняло вопроса, почему именно учителя послали ее встречать.

— Но что же мы тут стоим, — вдруг спохватился Митрохин, — кучер же ждет... Прошу, госпожа баронесса!

...Амалия ожидала увидеть какой-нибудь почтенный тарантас, помнящий еще времена императора Николая Павловича, а то и его бабушки, но оказалось, что за ней прислали новехонькую коляску на рессорах. Мнение баронессы о семействе Киреевых сразу же улучшилось — даже несмотря на то, что оно пользовалось услугами маленького и, видимо, подневольного человека. От Амалии не укрылось, что по дороге Митрохин говорил слишком много и невпопад, что характерно для неуверенных в себе людей.

— Мы сейчас проезжаем земли Дрессена... Вы знаете Дрессена? Землевладелец, богач, уважаемый человек... это он выстроил часовню возле станции, после того как убили государя...

Амалия заметила часовню, но в тот момент не обратила на нее внимания. А Митрохин между тем продолжал:

— Дальше начинаются земли князя, то есть теперь уже не князя, а... Вы слышали эту историю? Не слышали? Мать Георгия Алексеевича и князь были родными братом и сестрой, и они должны были разделить имущество после смерти родителей. Ну-с, как водится, дразги... крючоктворы... вылилось все в не очень красивую тяжбу. Кое-как, впрочем, уладили дело... Сестре, кажется, все-таки досталось меньше, то есть из слов Натальи Дмитриевны можно так заключить, а вот Георгий Алексеевич считает, что доли получились равные. У князя было шестеро детей, и он в шутку говорил, что вот, достанется им кое-какое имущество, кроме писем Пушкина, которые разве что биографов могут интересовать. А потом дети стали умирать, один за другим. Остались только сын и дочь, а дочь тоже умерла накануне своей свадьбы, погибла при пожаре... И князь совсем сдал от горя. Сделалось у него нервное расстройство, он долго лечился за границей... Я неинтересно рассказываю, —